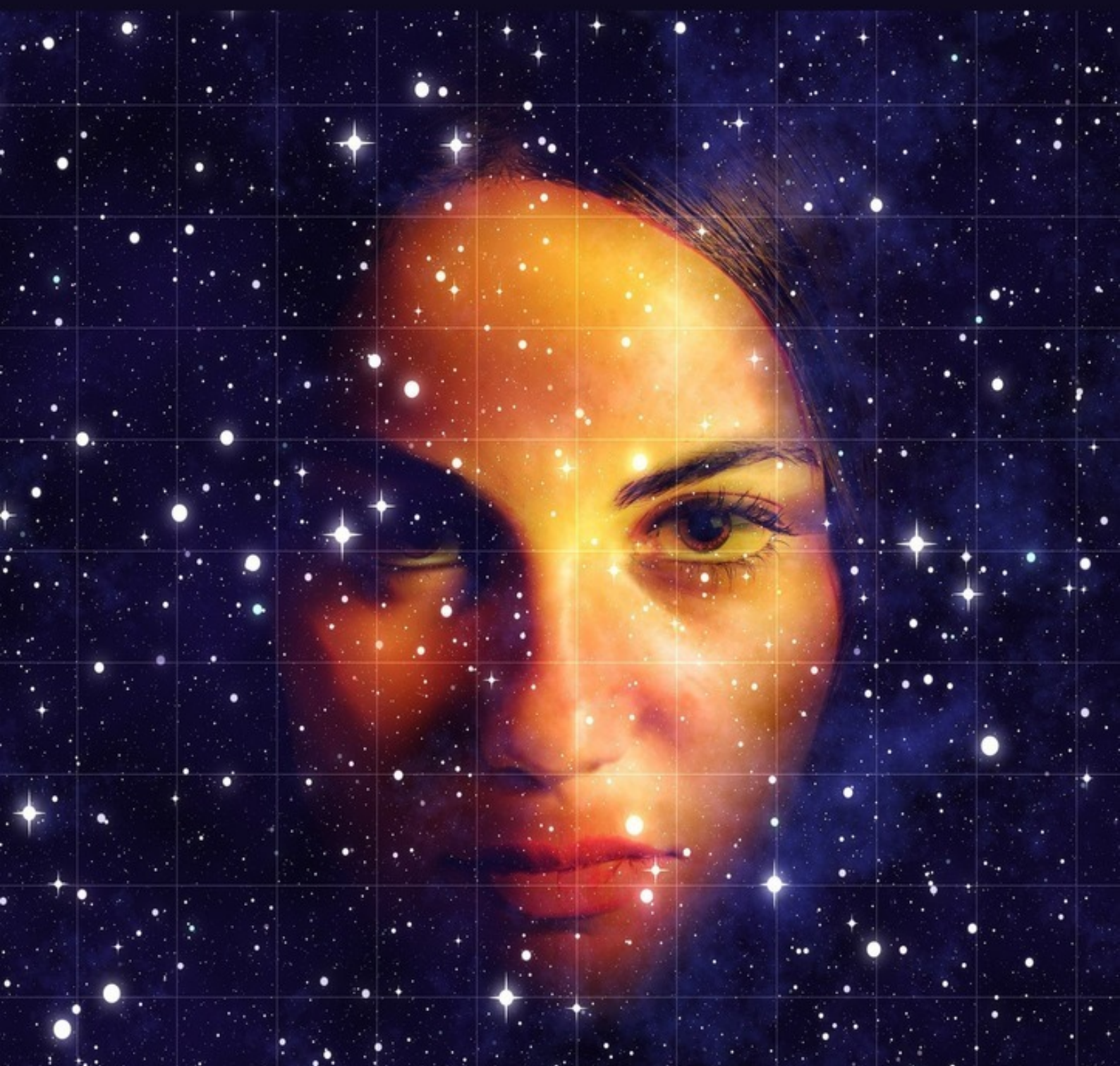

Никола Стотан

Переплыть лето

Никола Стотан
Переплыть лето

«Издательские решения»

Стотан Н.

Переплыть лето / Н. Стотан — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-901906-6

В сборник включены лирические стихи последних лет, повесть «Переплыть лето», а также собрание афоризмов, частушек и эссе.

ISBN 978-5-44-901906-6

© Стотан Н.
© Издательские решения

Содержание

Афоризмы	8
Политкухня	11
«Год 16-й – недород...»	11
«Пуускают клубы паровозы...»	12
«В России всё довольно странно...»	13
«Кризис мучает который год...»	14
«Мы на Запад свысока плюём...»	15
«Пусть будут строгими другие...»	16
«Общенья снова с нетерпеньем ждём...»	17
«Пенсионер!...»	18
«Поступил нам знак с небес...»	19
«Наблюдая сей дурдом...»	20
«Недоумения постичь как муку?...»	21
«Много сказок правительствами сказано...»	22
«Ликують хлопцы нагулявшись всласть...»	23
«Стоит русский мужик и чешет в затылке...»	24
«Прямо вот комедия...»	25
«Никого не милуют...»	26
«Опять в Европе санкция...»	27
«Смысл сакральный этих посланий...»	28
«Хотя в России новой мы живём...»	29
«Не клевета, не баловство...»	30
«Не кончены кровавые пиры...»	31
«Циничен властный человек...»	32
«Хотя доктора отличными были...»	33
«Обед, как водится, прохлопав...»	34
«Опять в России запарка...»	35
«Вновь экономика слаба...»	36
«От итогов временных грустнею...»	37
«Семь пядей оспинами во лбу...»	38
Идентификация женщины	39
«Поезд твой браслетиком лег на запястье...»	39
«По плечи забросав цветами...»	40
«Девушка в кирзе и телогрейке...»	41
«Весной хорошо суперменить...»	42
«Ночь ванили, руна ли...»	43
«Окружающих укор неласков...»	44
Рухнула рухлядь ночи	45
«От ключицы фарфоровый парус...»	45
«Всё печально, печально на свете...»	46
«поцелуями-плетьюми исхлётанной...»	47
«Как всё произошло? Случилось...»	48
«Как трудно все-таки забыть...»	49
«Всё погубив так неумело...»	50
«С грацией жирафьей...»	51
«Так нерасчётлива была она...»	52

«Мы так случайно повстречались...»	53
«Рухнула рухлядь ночи...»	54
«Ветер холодным насыщен дождём...»	55
«Метеоритная осень упала...»	56
«Рейтузный рейтар брадобрей...»	57
«Беседка – разведка, мы на войне...»	58
«Не вижу – скучаю, увижу – бешусь...»	59
«Подносы вязких и ненужных слов...»	60
«Упругих губ томительная сладость...»	61
«Пригасив обычную мятежность...»	62
Слово пастыря	63
Новости космической медицины	64
Заметка критика	65
Рецензия	66
С тобой	67
«Немыслим мир, немислимы подобья...»	68
«Твоя любовь прохладных два крыла...»	69
«Рука тяжёлая усталая...»	70
«тебе досталась радость одна...»	71
«Вот мой герой. «Хэллоу, допрый фэчер...»	72
«Ты так чиста, наивна и внимательна...»	73
«Я чувствую и даже где-то знаю...»	74
«Когда все звёзды поутру растают...»	75
«Грифон кассет брошенных оземь...»	76
«Стол обглоданный обеденный...»	77
«Вчера, из глубины веков...»	78
«Для урожайного лета...»	79
«Осень, снова эта осень...»	80
«Увы, иллюзий не питаю...»	81
«В холодных чистых росах...»	82
«Дощатый потолок...»	83
«Солнце выкатив прямо...»	84
«Роняет мир брильянтовые слёзы...»	85
«Сомненья вечные нас только портят...»	86
«Матрицей всех кругов ада...»	87
«О, боже, как печальны и неправы...»	88
«Сегодня Луна заблудилась впотьмах...»	89
«У ауры моей зелёные глаза...»	90
«У снов сомов покой тягуч и вязок...»	91
«Попав под прицельный огонь этих глаз...»	92
«Осенним утром сладко вспомнить...»	93
Без тебя	94
«Вечер багров и вальяжен...»	94
«Я брошен тобою. Кричи не кричи...»	95
«Душа – нежный пудель на кончиках сабель...»	96
«Вата памяти не виновата...»	97
«Обрывки стран и языков...»	98
«Улица – река игрека...»	99
«Допив остывший чай...»	100

«Мне снился сон: обламывая лопасть...»	101
Конец ознакомительного фрагмента.	102

Переплыть лето

Никола Стотан

© Никола Стотан, 2018

ISBN 978-5-4490-1906-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Афоризмы

Женщина хочет быть для мужчины первой и последней любовью. Мужчины довольствуются только тем, чтобы быть для женщины первой любовью.

Предать женскую любовь невозможно. Ибо от предательства она становится по настоящему святой и жертвенной.

Раньше у власти в России были случайные Цари, потом случайные Генсеки, нынче же просто случайные люди с улицы.

Юноши ищут свой идеал и в конце концов довольствуются тем, что им досталось.
Девушки изначально берут то, что им досталось и пытаются сделать из этого идеал.

Все беды России проистекают от того, что народ в гораздо большей степени склонен верить, а не думать.

Основной проблемой сайта Стихи.ру является то, что выступая как авторы посетители сайта не знают, что такое «хорошо», а выступая читателями, что такое «плохо».

Российский обыватель не любит не парламент, не правительство. Неудивительно, что обе эти ветви власти также не испытывают к нему симпатии.

Если девушка сообщает вам, что умеет готовить, то не спешите обольщаться.
Возможно она имела в виду умение заваривать чай.

Красива, но дура? Замечу резонно:
Умишко потомков в X-хромосоме.

Известие о том, что наша Солнечная система находится в т. н. Местном пузыре не может не волновать нас как гуманоидов. Ведь возможно где то рядом с этим Пузырём расположена и галактическая Попа.

Америка это страна, где возможно нереальное и нереально возможное.
Россия, это то место, где никак не определятся: что возможно, а что нереально.

Россия, в силу большого пространства, это своеобразная «черная дыра», где время замедляется. Поэтому часть населения все еще живет в XX веке, а часть в IXX.

В России выражение «братский народ» не существует в настоящем. Это либо прошлое, либо будущее.

Если красивая девушка выбрала вас, а вы её нет, то всё равно вы обязаны на ней жениться, ибо красота – всегда права.

Две вещи по настоящему изумляют и приводят меня в восхищение. Возможное наличие вездомного разума и признаки разумности на нашей планете.

Читаете подборки стихов и у вас складывается психологический портрет автора. Зачастую это всё.

Глядя на то, как окружающий мир настроен враждебно по отношению к нам, возникает стойкое ощущение, что мы скорее природная аномалия, чем закономерность развития. И природа просто пытается ликвидировать свою ошибку.

Горячие пирожки разлетелись как горячие пирожки.

Если у вас постоянный свист в ушах, но денежки всё таки водятся, значит это тело не ваше.

Если красивая девушка ответила вам отказом, не падайте духом. Попробуйте взять кредит в другом банке.

Магия цифр: с годами поза «69» трансформируется в позу «96».

Примета: если ваша девушка смотрит на вас глазами раненой газели, то это к значительным финансовым затратам.

Если долго слушать классическую музыку, то начинаешь воспринимать реальность как сон.

Если у вас появился свист в ушах – не расстраивайтесь. Возможно, что наконец то вы просто начинаете слышать как летит время.

Женщины хотят завоёвывать и удерживать. Мужчины только завоёвывать.

Девушки гениальны, когда плачут от счастья и бездарны, когда рыдают по иным причинам.

Любовь и Искусство стараются не замечать низменных сторон человеческой природы. Однако величайшей загадкой является то, что когда они оказываются «по уши» в этом тёмном и низменном, они всё же остаются Любовью и Искусством.

Может ли быть девушка красивой до отвращения?

Может, если она идёт под руку с молодым человеком.

Хорошее мнение о людях – не прибыльно, поскольку люди состоятельные придерживаются в гораздо большем количестве иной точки зрения, чем бедные.

Мы неправильно думаем о представителях этой нации: если девушка, то проститутка, если парень – то строитель.

Очень часто бывает наоборот.

Основа прочного брака – это когда вы переспали с девушкой и у вас осталось о ней хорошее мнение.

Зачастую «рога» мужа это всего лишь красивое дополнение к ослиным ушам.

У них: Если женщина пришла на работу в том же, что и вчера – значит она не ночевала дома.

У нас: если женщина пришла на работу в обновке – значит она снова не ночевала дома.

Может красота и спасёт мир, но зачастую она губит отдельно взятого человека.

Обыватель ненавидит элиту уже только за то, что не принадлежит к ней.

Настоящей сенсацией для России является не факт воровства и коррупции при реализации государственных проектов, а отсутствие оных.

В семейной жизни любовь – это скоростной лифт, который возносит нас в квартиру бесконечного терпения.

Красивая женщина – мечта для многих и приговор одному.

Право называться цивилизацией ограничивают наши возможности.

Для понимания того, что молодость и красота являются товаром девушкам вовсе не нужно экономическое образование.

Настоящий романтик это тот, кто остаётся таковым, когда женщина вечером сама приходит к нему в гости.

Хорошо, когда есть хоть какие то варианты. Плохо, когда вариантов нет.

Если у вас случился приступ любви к власти, то посетите местную поликлинику или пересмотрите свои счета ЖКХ. Через короткое время приступ пройдёт сам собой.

Современная теория возникновения Мира очень сильно приблизилась к божественной версии.

Мы определяем своё местоположение по звёздам, которые мчатся с бешеной скоростью по разным направлениям. Теперь понятно почему мы вечно оказываемся не там и не в то время.

Политкухня

«Год 16-й – недород...»

Год 16-й – недород.
Вот 17-й будет богат.
Так мечтал российский народ
Сто лет назад.

«Пукают клубы паровозы...»

Пукают клубы паровозы,
Пукают пулю юнкера
И всё ползут через морозы
Составы с телом Ильича.

Они ползут через откосы,
Через штакетины Кремля,
С клубами пара папиросы
Дымятся в чубуке вождя.

Скрипят яловые сапожки,
Усмешка прячется в усах,
На Колыме в своей сторожке
Синхронно сторожа храпят.

«В России всё довольно странно...»

В России всё довольно странно,
Забавно также иногда.
Ни о чём шлёт Посланья Посланник
в Никуда.

«Кризис мучает который год...»

Кризис мучает который год,
И осталось, чтоб жилось нам легче:
Мужикам для свиста пальцы в рот,
Дамам – что покрепче.

«Мы на Запад свысока плюём...»

Мы на Запад свысока плюём,
Нипочём нам санкций напасти.
Ведь в России мы всегда живём
Под жёсткими санкциями власти.

«Пусть будут строгими другие...»

Пусть будут строгими другие,
А мы сегодня будем жить.
Ведь нынче времена такие,
Что «завтра» может и не наступить.

«Общенья снова с нетерпеньем ждём...»

Общенья снова с нетерпеньем ждём,
Хотя итог давно уж всем понятный:
Народ будет бубнить как плохо он живёт,
Власть попытается убедить его в обратном.

«Пенсионер!..»

Пенсионер!
Не печалься, что дОрог становится
Гастроном!
Порадуйся лучше за дочку
Кейт Миддлтон!

«Поступил нам знак с небес...»

Поступил нам знак с небес:
Не совсем всё так, как мы желаем.
И, так называемый Прогресс,
Он увы, опять неуправляем.

«Наблюдая сей дурдом...»

Наблюдая сей дурдом,
Складывается мнение:
Что Москве игратья с Киевом,
Просто в наслаждение.

«Недоумения постичь как муку?..»

Недоумения постичь как муку?
Разрушен понимания божок,
Когда дающего кусает руку
Белены объевшийся Дружок.

«Много сказок правительствами сказано...»

Много сказок правительствами сказано,
Но одно лишь истинно поверьте:
Своё мнение иметь отказано
Хучь в России, хучь в той же Америке.

«Ликуют хлопцы нагулявшись всласть...»

Ликуют хлопцы нагулявшись всласть.
Но логика, увы, неважная,
Когда меняют продажнейшую власть
На ещё более продажную.

«Стоит русский мужик и чешет в затылке...»

Стоит русский мужик и чешет в затылке:
С одной стороны Меркель,
с другой Ким Чен Ынкин.

«Прямо вот комедия...»

Прямо вот комедия
С этими масс-медиа.
Из второй древнейшей
Стали вдруг первой.

«Никого не милуют...»

Никого не милуют
День и ночь насилюют.
Раньше вон газете
Хоть толк был в туалете.

«Опять в Европе санкция...»

Опять в Европе санкция:
Оргазма имитация.

«Смысл сакральный этих посланий...»

Смысл сакральный этих посланий
Только ночью я осознал.
Хорошо, что от власти стараний
Рубль тока бездыханно пал.

«Хотя в России новой мы живём...»

Хотя в России новой мы живём,
как лекторат слегка уже засвечены,
но пить как пили так и пьём,
а вот в политике, звиняйте, не замечены.

«Не клевета, не баловство...»

Не клевета, не баловство
и не зигзаги бартера,
скажу вам прямо: воровство —
суть русского характера.

«Не кончены кровавые пиры...»

Не кончены кровавые пиры,
Не кончены в пещерах смуты,
Увы, мы те же дикари,
Цена цивилизации – минута.

«Циничен властный человек...»

Циничен властный человек,
Своё навязывает мнение.
Мы думали, что XXI век,
А он твердит «Эпоха Возрождения».

«Хотя доктора отличными были...»

Хотя доктора отличными были,
Но как не верить «Вестям»:
Опять в Бурденко по ошибке удалили
Ген веры российским властям.

«Обед, как водится, прохлопав...»

Обед, как водится, прохлопав,
Поспорить всё же я готов:
Борщ украинский без «укропов»
Он тоже вроде как неплох.

«Опять в России запарка...»

Опять в России запарка,
Ильича сбывается мечта.
Управляет правда не кухарка,
А её духовная родня.

«Вновь экономика слаба...»

Вновь экономика слаба,
Но мы то нация та ещё:
По капле давим из себя раба,
А после продаем желающим.

«От итогов временных грустнею...»

От итогов временных грустнею,
Но таков он нынешний цинизм.
Ничего то власти не сумели,
Даже возродить капитализм.

«Семь пядей оспинами во лбу...»

Семь пядей оспинами во лбу,
Под крики визгливые «Браво!»
Товарищ Сталин трахнул страну
Как домработницу Клаву.
Да что там страну. Округлив глаза
Весь мир перед ним растерянно
Ножки раздвинув едва-едва
Ушёл почти что беременным.
Глумясь над народом, пьяный отец
В кровавой жизненной повести
Всех заставлял совершать инцест
С ленинско-сталинской совестью.
Даже сегодня отмыть нельзя,
Ту ржавеющую окалину,
Когда на сердцах кровоточит печать
Рукоприкладства Сталина.
В клубах дыма прищур тот сидит
В прищуре гаишника-засранца,
Когда он из прихоти стопорит
Любого, кто не понравится.
Товарищ Сталин, твоя рука
Тянется и до сегодняшнего момента
И стискивая ложе чубука
Ты стискиваешь яйца президента.
Товарищ Сталин, партийный актив
Жив ещё и нисколько не прячься,
Положив в карман партбилет-презерватив
Пытается с демократией трахнуться

Идентификация женщины

«Поезд твой браслетиком лег на запястье...»

Поезд твой браслетиком лег на запястье,
осенью этой славно так быть одной,
бьется в бутиках раскупленной счастье,
запонкой мерцающая золотой.
Дым очков приятен. Возбуждает...
Броситься к ногам твоим готов,
кислым остроумием блистая,
всякий вероятный полубог.
Ты не плачешь. Слезы – те же виски
и горит горит твоя щека,
нервы – дрянь, совсем они провисли
Леской неумехи рыбака.
Здесь давно испуг энд передышка,
вперемешку грусть или печаль,
видно где-то увлеклась ты слишком
потеряв, как запонку, себя.
И не надо здесь Ямал буравить,
псами бешеными желваки кидая зря,
просто Аня – стерва из Огайо,
что дырявит шпилькой облака.
Просто осень леденит ладони,
ветрит губы и кидает в никуда
письма опустевшего зимовья,
где напрасно ты его ждала.

«По плечи забросав цветами...»

По плечи забросав цветами
весной имею вам сказать:
пред вами крыльями трещать
веки не устанем.

Она, как улитка, пряталась от него в лабиринте высотных зданий, комнат, офисов. Её постоянно приходилось выковыривать из этого мира вещей. Из всех этих перегородок, машинных салонов, норковых шубок, белья от «Тиффани»...

И даже потом мир вещей не оставлял его в покое, напоминая о ней запахом дорогих возбуждающих бальзамов и эликсиров, уколом брильянтовой броши, или запутанной золотой цепочкой.

Он ненавидел этот мир и жутко бесился от своей немочи как то помешать этому, просто повлиять на события.

А мир вещей не оставался в долгу и дьявольски утончённо мстил ему, напоминая о минутах их близости шёлковой вуалькой, или знакомым ароматом в толпе.

«Девушка в кирзе и телогрейке...»

Девушка в кирзе и телогрейке,
обычная советская кокетка,
на бетоне ли, на веялке
строит глазки, выполняет пятилетку.

Но вот закончен этап убогий
пришли другие времена
настала эра длинноногих
и независимых весьма.

Преодорлев все неприятные моменты,
семейные скинув оковы
она на ниве менеджмента
рвёт в офисе своём подковы.

И всё же они – отдельней
им много пришлось пережить
в харизме фотомоделей
печать пятилеток сквозит.

«Весной хорошо суперменить...»

Весной хорошо суперменить
В большом супермаркете судеб,
Где лучшая вещь – это ты.
Чтоб шёлк твоих кос и кожи шёлк
Волной электрической по телу шёл.
По телу шёл, струился глубоко
Вибрировал медовой струной
И шар тяжёлый и золотой
Налился и треснул сбоку.

«Ночь ванили, руна ли...»

Ночь ванили, руна ли...
лампами расцветена
клоны что ли мне подсунули?
идентификацию женщины.
Клон – акуля голова,
а надо ль начинать всё снова?
Она и так танцует в облаках
свою бесконечную босонову.
Она и так бессовестно горда
и ежедневно потерять рискую
ту, что в ощущениях мне дана,
как знак того, что я ещё
существую.
Ночь ванили, руна ли...
участь моя переменчива
и на кой господь мне подсунул
идентификацию женщины?

«Окружающих укор неласков...»

Окружающих укор неласков:
«Идиёт, ты только посмотри!...
Ён чужую штуку «баксов»
всю истратил, сволочь, на цветы».
А может взаправду, шизею?
Процесс перегонный во мне
я точно немного хмелею,
когда вдруг мыслишкой к тебе.
Я точно на что-то надеюсь,
хотя вот поди ж ты подчас
зубной вдруг пастишкой бреюсь
и путаю тормоз и газ.
Опять вдруг вчера очень поздно,
досягнув своей хрипотцы,
напрямки домогался к звёздам
всё читая эти вот стишки.
а потом голодный, но счастливый,
в дрань-сандалинах шагая,
всё спешил не замечая ливней
и простуды треклятой не замечая...

Рухнула рухлядь ночи

«От ключицы фарфоровый парус...»

От ключицы фарфоровый парус
Истончаясь плывёт до щеки.
Никогда ещё так – ручаюсь,
С тобой не были мы близки.

Никогда ещё рук сплетенье
Не кружило небесный свод,
Никогда ещё так в смятенье
Не кривился пунцовый рот.

Но от взглядов чужих скрываясь
Мы опять далеки, далеки...
От ключицы фарфоровый парус
Истончаясь плывёт до щеки.

«Всё печально, печально на свете...»

Всё печально, печально на свете
Угасает с годами весна,
Поцелуя последний приветик
Завернула в пакетик она.

Не правы, не правы острословы,
У любви очень жёсткий лимит
И для нас, для двоих, безусловно
Давно вышел заемный кредит.

И на наши увядшие души
Давно брошены прозы венки,
Убивает, калечит и сушит
Жизнь прекрасное тело любви.

Остаются кривляния эти
И ужимки случайных подруг,
Но печальны все встречи на свете
В них заложены мины разлук.

«поцелуями-плетьюми исхлёстанной...»

поцелуями-плетьюми исхлёстанной,
стонами искажая пространство,
пить бесстыдно губками дёснами
тела необузданное непостояство...
быть дьяволицей безумно особенной,
родинку лаская и трогая,
рассылать тугие радиоволны
аж до самого знойного Гонконга...
острыми коготками гулять неистово,
на атласе лент меридианы оставляя,
сладко вонзаясь до крови, мыслимо ли...
куда же нас выведет эта кривая?...
дикой быть, никому не обязанной,
не боясь молвы и okazji
обожать иметь дело со связанными
фантазии опустошая...

«Как всё произошло? Случилось...»

Как всё произошло? Случилось...
Черёмухой в распахнутом окне
Твоя красиво некрасивость
Пришла в полузабытом сне.
В полутенях проблескивая синькой
Потупленные снались мне глаза
Сутулость плеч и угловатость линий,
Застрявших в парашюте рукава.
Так не по детски налитые гроздьа
В нирване зрелости невозмутимых Будд
Твоих волос отжатые колосья
И сладость жаркая припухлых губ.
Мне снались кружева твоих серёжек
Мерцающих в отсвете серебра,
Тепло запястья и фарфор ладошек,
Сжимающих бусинки янтаря.
Ты в этом сне жила и процветала
И так по детски радостно вздохнув
Ты кошечкой персидской засыпала
Доверчиво к плечу прильнув.

«Как трудно все-таки забыть...»

Как трудно все-таки забыть
Тебя, и горечью полынной
Печаль-река, её бы переплыть,
Да вёсла брошены бессильно.
Как трудно всё-таки сказать:
Тебя – не существует...,
С корнями память вырывать,
Ласкать другую.
Как трудно без тебя прожить,
Когда не в зарубежье,
А где-то рядом, может быть,
Ты щеголяешь в скромном «беже».
Как трудно, трудно без тебя,
Но от тоски слабея
Скажу, душою не кривя:
С тобою быть труднее.

«Всё погубив так неумело...»

Всё погубив так неумело
Цинично грубая слегка
Жизнь, ухмыляясь поимела
Отнюдь не худшего раба.

Итог плачевен и неважен,
Как так случилось? Не пойму...
Я оказался вдруг посажен
На сексуальную иглу.

Я оказался, оказался
На месте не случайных встреч
И так доверчиво попался
На хрупкости девичьих плеч.

На разговоре нервном странном
В потоке сладостных флюид,
Я заблудился вдруг в тумане
Прикосновений и обид.

Я заблудился, заблудился
В кольцо мучительных разлук,
И рафинадом растворился
На перекрестье нежных рук.

Итог плачевен и неважен,
Но всё же, чёрт меня возьми
Не дайте, милые, однажды
С иголки сладостной сойти.

«С грацией жирафьей...»

С грацией жирафьей
И амбицией антилопьей
Ты протискиваешься вдоль стены,
Как протискивают рояль
Не единой не порвав струны.
Да ещё сандалина некстати слетает,
Но это тебя ни чуточку не бесит
И в воздухе потеряно блуждает
Улыбки жалкий полумесяц.
Я сам, держась едва, на самой грани истерики,
Открываю не острова или какую-то там Америку,
Я открываю лишь то, что ты хотела,
А попросту: теплоту твоего тела.
Спираль галактик тонет в рукавах
И не туда некстати попадая,
Я поднимаюсь в собственных глазах,
Когда вот так «на шару» отлетаю.
С трудом, но понимаю: здесь не тут
И я, отнюдь, не на сафари,
Хоть тельца взыбленная ртуть
Дрожит и бьётся в сарафане.
А ляжки вот спадают зря...
И совсем уже кажется странным
Зачем и кому для
Они спадают кожурой банановой.
Штанины, как стихи сложив,
Я вижу с удовлетвореньем,
Как мир затравленно скулит
Под нашей запертою дверью.

«Так нерасчётлива была она...»

Так нерасчётлива была она
Начав сближенье,
Сошедшая с ума луна
В магнитном притяженье.
И оказавшись как бы вдруг
В пространстве тесной спальни
Она дрожит, её испуг
Почти что сексуален.
На самый краешек легла
Зажатая комком,
Слегка протёртая игла
Нетерпеливым ртом.
Так вам хотелось отношений?
Ну вот заделано из теста
Лицо с гримассой выраженья
Воспоминания о сексе.
А рядом угол локтевой
И стиснутый недюже
Прожилкой тонкой сетевой
Пuls, рвущийся наружу.
Ещё она обломки фраз
Роняет, как из милости,
Что делать? если снова вас
Хотят лишить невинности.
Но дьявол, простыней шурша,
Наверно зря старается,
Её невинная душа
Невинной и останется.

«Мы так случайно повстречались...»

Мы так случайно повстречались
Два блуждающих параноика,
Мы в друг друге упорно искали:
Ты – лучшее, я – новое.
И мне б давно пора стать нежным
К таким, моя прелестница,
Увы, мы знаем: конец неизбежен,
Мы только по разному бесимся.
И жизнь наша такая скучная,
Порою совсем уж хреновая,
Но всё же я у тебя был лучшее,
А ты у меня лишь новое.

«Рухнула рухлядь ночи...»

Рухнула рухлядь ночи
На гривы облаков-борозд
И кто-то со всей мочи
Высыпал угли звёзд,
Да прямо на небесную сферу.
Грустно, как после неудачного пари
И кажется, что под «фанеру»
Щебечат нынче даже соловьи.
Всё почему? Ты виновата
Хотя бы тем, что родилась на свет,
Что ты ушла и вроде как обратно
Не собираешься совсем.
Осталось верить: что-то будет,
Хотя вокруг всё скрыто мглой,
Ты вытащишь меня из этих буден,
Как персик из корзины золотой.

«Ветер холодным насыщен дождём...»

Ветер холодным насыщен дождём.
Снопам тоненьких ниток
Пронизаны спины. Мы тихо бредём
Под хлёсткой овацией пыток.

Бросается наземь нагая листва
И липнет ногтями старухи,
Под вмятою шляпой чужого зонта
Вьют гнёзда осенние звуки.

С обеда хозяйка, включив пылесос,
Почистила тропки кварталов,
И всё позабыла, увлѣкшись взасос
Парадом дневных сериалов.

Сквозь прутья усталая осень вошла,
Банально расквашены хляби,
И луж незамутненная чешуя
Блестит островками печали.

«Метеоритная осень упала...»

Метеоритная осень упала
Потрясающим произведением.
Тем самым земля показала
Свое внеземное происхождение.
И струями сплетаясь часто,
Вернувшийся из дальних странствий,
Бодрящий холод Марса
Сменяет дождь венерианский.

Горячим кофеем залиты,
Зонтами – кляксами размечены,
Шагают дерзко Аэлиты
И едут внеземные женщины.

С небес мгновенный фоторобот,
С листвою плазменной прощаясь,
По лесу атомному ходит
На паутинках истончаясь.

И гуманоид полупьяный,
В своей Центавре отмороженной,
Зовёт нас искрою багряной
На бархат мироздания брошенной.

«Рейтузный рейтар брадобрей...»

Рейтузный рейтар брадобрей
И шкипер сонмищ,
Я вскинул руки жердью рей
И парусов полотнищ.
Налитый литерный,
Немытою поллитрой,
Рапирой ржавою из эскапад,
Я следовал чредою неразвитой,
Как брошенный в прорыв солдат.
Фривольные фрескались фолны
О кровенабельный пузатый борт
И ругани и злобы полный
Дымил и щерился щербатый рот.
Рейтузный рейтар, на халяву
Корсар подвязок и чулок,
Я добывал в беспечных битвах славу,
Как добывает камень рудокоп.
И паруса, о, паруса, как тело
Покорное всем ласковым ветрам,
Раскинувшись над волнами летели
К далёким терпким берегам.

«Беседка – разведка, мы на войне...»

Беседка – разведка, мы на войне
И в бронированной ванне
Желания странны, но странно вдвойне
Отсутствие всех желаний.

И берег далёкий за дымкою снов
И эти смешные напасти
Упавшие с неба основы основ
Кусочки разбитого счастья.

И эти блуждания на минной тропе
Приносят, увы, лишь увечья,
Как ранит порою в беспечной игре
Слово и страсть человечья.

Но жажду хочется так утолить
От губ твоих увлажненных,
И хочется, хочется соблазнить,
Как хочется быть соблазненным.

«Не вижу – скучаю, увижу – бешусь...»

Не вижу – скучаю, увижу – бешусь,
Знакомые состояния.
Увы, я описывать не берусь
Угли запорошенного молчания.
Ну разве расскажешь в несчастной строке,
Как пальцы в трещотке сомнений
Отправились в путь, проползти налегке
К Голгофе твоих коленей?
Как мечется пламя ночного костра
И тянет сладкая бездна,
Как слепо летит на него мошкара
И вспыхнув взлетает к созвездьям?
Так пусть же не будет идея странна,
Но в радости и печали
Учти: есть обратная сторона
Твоей образцовой медали.
Учти эти строки и звуки учти,
Звуки сердцебиений,
Застрявшие в хлябях простого пути
Наглости и сомнения.
И наше молчанье – затмение днём,
Аортой разорванной плещется,
Пожары и войны далёких времён
Меж нами сегодня мерещатся.
Меж нами стоит ослабясь сатана
И в дьявольском этом оскале
Сцена развязки романа видна
Не начатого вначале.

«Подносы вязких и ненужных слов...»

Подносы вязких и ненужных слов
Поднесены на скатерть встречи чистой,
Фрагменты мыслей, как части проводов
В зубах убитого связиста.

И тёмный надвигается чужой
Ненужный айсберг на «Титаник»,
В гостинной бело-голубой
Нас разделяет только чайник.

Резинкой от трусов и от кутюр,
Ты выгибаешься довольно гордо,
В шелка укутанный бордюром,
Который вечно набивает морду.

И в этот затушеванный капкан
С бедром нагим посередине,
Я вляпался и полностью пропал,
Как распоследний простофиля.

В твоих глазах иероглифы видны,
И хромосомные наборы
К наборам гречки сведены
И нефтяным узорам.

Твоей рукой начертан план
И выкурен до половины.
Удар, пробоина, фонтан
И равнодушие льдины.

«Упругих губ томительная сладость...»

Упругих губ томительная сладость,
Сосуший обод бархатных ресниц,
И тень распластанная ниц,
И жаркая пленительная слабость.

Летящий взгляд горячею резиной
Щеки касаясь, лишь слегка скользнёт,
И этот жест таинственный невинный
Рукой хирурга в сердце мне войдёт.

И я ныряю дикий обновлённый
В сжигающем смущении глубин,
Чтобы достать мерцающий рубин
Из раковины обнажённой.

«Пригасив обычную мятежность...»

Пригасив обычную мятежность,
Как во сне – совсем заморожён,
В эту ужасающую нежность
Я тобой по плечи погружён.

Размягчённый, ласковый, недвижимый
Я плыву в сиянии озёр,
Грёз твоих пустынный книжный
И желаний пламенный костёр.

Необычный, терпкий, обнажённый
Я пронзаю сладостную глубину,
Чтобы умиротворённым
На плече у ангела уснуть.

Слово пастыря

Зима. И мёрзлая дорога
И настроение паршивейшее.
И ночь, как откровенье бога
По пьяне ангела пришившего.

Новости космической медицины

– Поехали! – сказала крыша.

Заметка критика

Поэт в России больше, чем поэт.
Он член Союза журналистов.

Рецензия (на пока ещё не снятый Никола-фильм)

Одна судьба, одно величье
У стана прокатного и стана девичьего.

С тобой

В угаре стонет комната
Жаром вечерних симфоний.
Близостью переполнены
Площади потных ладоней.
Нагло, уверенно кривятся
Губы дразнящей малины,
Дерзкие, выпрыгнуть силятся
Зрачков дельфины спины.
И обнажив стволы рассержено,
В окне, как внезапный спазм,
Лес осенний растерзанный,
Редкий, как женский оргазм.
Ладьями стучат кровати,
Мы тянем тяжелое бремя
И будильника глаз кошачий
Льёт горячее терпкое семя.
Но на атласно бархатной пашне
Пахать уже не в силах,
Тот, у кого борщом вчерашним
Стынет кровь в холодеющих жилах.
Тот, кто опухшее личико
Прячет за бруствер кровати,
Когда правят бретельку от лифчика
Как ляжку у автомата.
И опять, пока красуется
Жёлтый месяц за стеной,
Падший ангелок целуется
С совестливым сатаной.

Но вот дойдя до точки,
Как по башке кирпич,
Без фиговых листочков
Проржавленный Ильич.

Как снимок на комодке,
Мочалкой борода
И в караульном взводе
Застыли два бедра.

«Немыслим мир, немислимы подобья...»

Немыслим мир, немислимы подобья,
Немыслимы объяття естества,
Когда горячие тугие гроздя
Вдруг тронет трепетно рука.

Когда шелка, протяжные как стоны,
Вдруг зазвенят серебряной струной
И тела жар, как взорванный плутоний
Раздавит нас ударною волной.

Немыслим аромат душицы,
Смертельна мятная трава,
И шепот фибриол ложится
Росой на влажные тела.

«Твоя любовь прохладных два крыла...»

Твоя любовь прохладных два крыла
Два ангела – добра и зла,
Не разобрать, не различить,
Что будет ранить, что лечить.

«Рука тяжёлая усталая...»

Рука тяжёлая усталая
Ласкает прядь дождём намоченную,
А ты красивая и шалая
С глазами порочными, губами порочными.
А ты, как вишня скороспелая
Невестою в цветах заснежена
Порой до безрассудства смелая,
Порою тихая и нежная.
Душа восторгом околдована,
Когда мне самому не верится
До испуга зацелована
Плеч смуглая владелица.
Когда движениями ленивыми
Зеленоглазая красавица
С ногами стройными и длинными
Пантерой за добычей тянется
Она живёт пока целуется,
Её движения отточены,
Когда передо мной красуется
С глазами порочными, губами порочными.

«тебе досталась радость одна...»

тебе досталась радость одна
настоящая, без утайки,
животика моего желтизна,
да спадающая вечно майка...
достались также сплетения кос,
губ ещё вот привкус горький,
и конечно отблески звёзд
с недорезанной лунной долькой...

«Вот мой герой. «Хэллоу, допрый фэчер...»

Вот мой герой. «Хэллоу, допрый фэчер...»,
Он пьян однако, нынче много пьют,
Но всё же он припёр на эту встречу
Корзинку снеди и бутылку «Брют».
Уселся в кресло, просто страшный случай,
Хотя не наглый вроде бы совсем...
Спортивный мачо в упаковке «Гуччо»
На тарантасе «аудяха семь».
Совсем не смелый и хороший даже,
Зовёт уехать в тёплую страну,
У них там видишь ли... давно мечтает каждый
Иметь покладистую русскую жену.
Плейбой с обложки, все подруги сохнут,
Наперебой они его кадрят,
Но только нету никакого толку,
Не замечает он других девчат.
И снова «Энни, ты уже готофа?...»
Ведёт в театр, а потом в кафе,
По русски будет пить до полвторого,
А после ехать сильно «под шофе».
Гаишники лишь провожают взглядом,
Как обгоняет всех авторитет,
Он – мой герой, сию я молча рядом
И думаю: уехать или нет?

«Ты так чиста, наивна и внимательна...»

Ты так чиста, наивна и внимательна...
Так непрактична шеи белизна,
Губить тебя совсем необязательно
Ты крылья обожёшь себе сама.
А я пытаюсь пошутить, подначиваю,
Короче: настоящий опух,
Я на тебе невольно оборачиваюсь,
Как к солнцу обращается подсолнух.
А я, как чемодан оставленный,
Всё жду хозяйской ласковой руки,
Так шут придворный, Борджией отравленный,
Обязан даже при смерти шутить.

«Я чувствую и даже где-то знаю...»

Я чувствую и даже где-то знаю,
Что повторится этот день опять
Жаль только: я почти что умираю,
Когда один укладываюсь спать.
Жаль только: ты сюда послушай,
Кошмаром давним позабытых снов
Красивой недоступной шлюхой
Проходит мимо первая любовь.
Проходит мимо...

Я её окликну

Сожму пустеющий прострелянный карман,
В который раз проникнусь я и влипну
В бесперспективный розовый роман.
А силы эти...

Брать-то их откуда?

И выхода опять похоже нет
И бьётся пульс, как разбивается посуда
О самый в мире безнадежный парашют.
Так чувствуя и даже где-то зная,
Какой бывает жесткою кровать
Я всё же безнадежно умираю,
Когда один укладываюсь спать.

«Когда все звёзды поутру растают...»

Когда все звёзды поутру растают
Взгляни, красавица, в окно
И ты увидишь: мимо пролетают
Загадочные НЛО.
И ты узнаешь: рейс Анадырь-Сочи
Отложен, на дворе зима
И холодом январским наплывает
Свинцовая тяжелая тоска.
Но ты принцессой шествуй в зазеркалье,
Далёкая и близкая для всех,
Как вечная волнующая тайна,
Как этот тающий пушистый смех.
И наши встречи – всё же избавленье
От скуки что-ли, мелкого снежка...
Они, красавица, как украшеньё
На атласе студёном января.

«Грифон кассет брошенных оземь...»

Грифон кассет брошенных оземь
Пружин спряженья гнут одно:
Ты не пришла ни в семь, ни в восемь
И время жутко напряжено.

Ты не пришла, дней остроглазьем
Съедены дочиста страхи, а там
Призраки серые наглые лазают
По тёмным аллеям, по тёмным кустам.

Призраки робких надежд и страданий
Пулей навывлет слуга ваш убит,
Пулей горячей нескромных желаний
Ну и конечно горячей любви.

С кем ты? И где ты? Эти спряженья
Плавают упрямо тугие мозги...
С кем ты и где ты? Нить напряженья
Рвётся в холодной бездонной ночи.

Над пепелищем кружат грифоны
Кружат и кружат смертельным огнём
И сложив крылья падают оземь
В кровь разрывая сердце моё.

«Стол обглоданный обеденный...»

Стол обглоданный обеденный,
Нуждою жизненной объеденный,
На стакане солнца лучик
И горячий сладкий супчик.
Такая вот обрыдлая картина,
Да ещё в твоих лёгких
Кораблик лёгкий,
Плывущий в облаке никотина.
Да ещё твои глаза,
Огоньками болотными Эльма
Зовут и манят меня
В колдовское логово ведьмы.
Лягу, лягу тебе назло
Баластом атомной лодки
На самое гиблое дно
В океане вина и водки.
Станет тело в глубинной толще
Доступней для ласк и прощя.
Наконец-то станет неприлично
Лапать бёдра чужие привычно.
И стол обглоданный обеденный,
Нуждою жизненной обеденный,
Плотиком лилового тумана
Нас вынесет на берег океана.

«Вчера, из глубины веков...»

Вчера, из глубины веков,
Вдруг налетела стая облаков,
Средневековый шум базаров,
Дыханье динозавров.
Я вдруг увидел, как в окне
И наяву, а не во сне,
По водной глади наискось
Шагает по делам Христос.
С небес, с далёкой стороны
Грозятся слуги сатаны,
Среди страданий, плача, гула
Я видел пляски Вельзевула,
В огне, в дыму, в который раз
Его восторг, его экстаз.
И выше непонятный бог
Не очень стар, но очень плох
И ангелы скромны, стыдливы
Короче, что там?! Херувимы!
И в этом мире, в груди дней
Я проживаю меж людей,
Как мессия с небес сошедший,
То ли ребёнок, то ли сумасшедший.

«Для урожайного лета...»

Для урожайного лета
Я зол чрезвычайно
Недостроенностью неба
И холодом чая.
Облаков вербовщик дырявый
Уткнув нос в холмы
В лес сырой и корявый
Тащит забытые сны.
Город – торт недоеденный,
Так противен и сладок так,
Отрыжкой послеобеденной
Тычет в ноздри прогорклый смрад.
Тоскливая женская очередь
Мажет взглядом-повидлом,
А рядом прыщавые дочери,
Пока не замужем, как видно.
И эти плети женских рук,
В сплетенье вен оттянутых,
Расскажут правду, не соврут
О днях, как век растянутых.
В разгар урожайного лета
И пепла любви вчерашней
Я зол, и злости приметы
Подобны всем дням пропавшим.

«Осень, снова эта осень...»

Осень, снова эта осень,
Надоевший охровый наряд
В обнажённых силуэтах сосен
Меланхолий вертикальный ряд.
Гул машин, он поутру так зычен,
Серость неба страшно тяжела
И по детски чужд и непривычен
Холод запотевшего стекла.
Ничего не происходит, вроде,
Лишь газоны в иней серебра
Осень вдовушкой печальной ходит
В жёлтом сарафане сентября.
Ну, а люди? Всё подай им сухость
Нежность лета, тёплые края...
Вообщем обывательская глупость
Вечная житейская стезя.
Что же дальше? Будьте милосердней
Надоела? Это не беда.
Скоро к нам хозяйкой привередной
Снизойдёт суровая зима.

«Увы, иллюзий не питаю...»

Увы, иллюзий не питаю
Я, в отношении встречающих,
Всё чаще с грустью замечаю
Ассиметрию лиц окружающих.
Всё чаще трудней удержаться
Не двинуть кому-нибудь в морду,
Всё чаще быть и казаться
Становятся антиподами.
К тому же, давно замечаю,
(Вот ведь какая оказия!)
Все реже меня посещают
Эротические фантазии.
Всё реже хочу улыбнуться
И мне – не улыбаются,
Всё реже хочу обернуться,
Хочу, да не получается.
И вот через эти мгновения,
Как шлейф дирижабля горящего,
Всё чаще живу сновиденьями,
Всё реже по настоящему.

«В холодных чистых росах...»

В холодных чистых росах
Течёт река из рукава
Осенний жолтый посох
Преодолев едва.
Лёгкие летние вина
Выпиты тёплым дождём
Тронуты руки рябины
Ярким пунцовым огнём.
Ломит томится и стонет
Всласть заливая края
Тёплая сладкая дыня
Вяло текущего дня.
Мягкою, мягкой лапой
Душу дымами пьяня
Жухлой осеннею мятой
Стелет багрянец земля.
Тихо покойно и странно
Бродит земная печаль
Двигая осенью плавной
Хрупкий прозрачный хрусталь.

«Солнце выкатив прямо...»

Солнце выкатив прямо
Утром из распахнутого окна
Этот день багряный и пряный
Наехал нагло на меня.

Наехал стриженным газоном
И вечной спутницей косьбы
Наехал смешанной с бензолом
Арбузной свежестью травы.

Так нереально невозможно
В окне синеет простыня,
Невнятна и неосторожна
Чудовищная глубина.

И бронхиоль вздымая чаще
Слежу, как плавно за окном
Пластает этот день на части
Голубка розовым крылом.

Так славно мною озадачен
В своей житейской череде
Обычный день так много значит
В безумной звёздной чехарде.

«Роняет мир брильянтовые слёзы...»

Роняет мир брильянтовые слёзы,
Под шорох шин летящего авто,
Мы мчимся километров сто
Пронзая ночь и звёзды.

Мы мчимся вдаль. Лишь одиноко,
Как заплутавший журавель,
Луны сияющей качель
Заглядывает сбоку.

Мы мчимся. Ты молчишь устало,
Всё сказано сплетеньем рук
И тени будущих разлук
На нас нечаянно упали.

Мы отдаляемся. И скорость
Обратно скорости любви,
Мы уступаем без борьбы,
Так обречённо и так скоро...

Роняет мир брильянтовые слёзы,
Гудит мотор, стучат сердца,
И нету видимо конца
Разлукам и погасшим звёздам.

«Сомнения вечные нас только портят...»

Сомнения вечные нас только портят.
Мы смотримся в свою судьбу,
Как женщины ревниво смотрят
На молодость и красоту.

Где оступился? Всё переиначил,
Сказал не то, затеял канитель?
Не ту поцеловал, не ту подначал
И, наконец, не с тою лёг в постель.

Оставьте право. Дохлая верига.
Случайная пометка дневника,
Хотя учтите: эта книга
Читается взахлёб или никак.

«Матрицей всех кругов ада...»

Матрицей всех кругов ада
В жарком полумраке сладких снов
На губах твоих размазана помада
Географией запретных островов.
На плечах твоих нежнейшая малина
Манит так забыться и уснуть
Тянет, тянет васильково-синий
Омут с наслаждением утонуть.
Тянет, дьявол, так чертовски тянет
Кажется: у этой вот черты
Небеса разверзнутся и грянет
Гимн несостоявшейся любви.
Матрицей всех кругов ада
В жарком полумраке сладких снов
На губах твоих размазана помада
Географией запретных островов.

«О, боже, как печальны и неправы...»

О, боже, как печальны и неправы
Дороги смерти траурные тратуары!
Как неправы страдания и боли
И немощь старческая всех неправы боле.
Болезнь, уродство, катаклизм
И холод бесконечных зим.
Любовь, за то, что не пришла
Тысячекратно не права.
И гениальность мне не дав
Господь, ты дьявольски не прав.

«Сегодня Луна заблудилась впотьмах...»

Сегодня Луна заблудилась впотьмах
И блюдцем разбитым плыла в небесах.
Плыла одиноко, хотела уйти,
Но нет для дурёхи иного пути.
И плакал и капал всю ночь до утра
Цианистый калий каплей дождя,
И пачкала сажа ночного окна
Щекой бархатистой тебя и меня.
И где-то под крышкой золотого ларца
Бельчонками бились наши сердца.
Слетали минуты и тихо текли
В потайные реки, покойные дни.
Мы плыли бездумно качаясь едва
Роняя небрежно цветы и слова.
И синяя птица, ты посмотри,
Велась и давалась и ела с руки.

«У снов сомов покой тягуч и вязок...»

У снов сомов покой тягуч и вязок,
Желтеет илистый песок
И где-то здесь, под сенью грустных вязов
Струится времени поток.
Мы где-то здесь. Мы так неосторожны...
Случилась жизнь, мы не готовы к ней.
Желанья нереальны невозможны,
Как нереальны сны прошедших дней.
Слетая с рельс к подножию Олимпа
И чувствуя его запретный жар
Офелии глаза желты олифой
Бесстыдно плавя сладостный нектар.
И проживая и творя мы где-то,
Здесь так комфортно ввинчиваться в стресс,
Здесь, на планете, где живут поэты
И, слава богу, много поэтесс.
В безумном барельефе безделушек
Мир на мгновение стал нормальным, а потом
Вновь завертелся и слетел с катушек,
Как вылетает из ядра протон.
А мы детьми элитнейшего клана
Российскою обочиной дорог
Бредём себе шепча упрямо
Пороль бессмертных гениальных строк.

«Попав под прицельный огонь этих глаз...»

Попав под прицельный огонь этих глаз
Я тут же притих, я тут же погас,
Под этим прицельным огнём наповал
Я, насмерть сражённый, с улыбкой стоял.
Щутя и не целясь, стянув лишь перчатку,
Владелица чар выбивает «десятку».
И раненым вепрем по белым снегам
Я медленно падаю к стройным ногам.
Вот так начинался тот роковый день,
А с ним, чёрт возьми! и пожизненный плен.

«Осенним утром сладко вспомнить...»

Осенним утром сладко вспомнить,
Как ты со мною рядом шла
И облака на колокольне
И золотые купола.

На синем небе брызги солнца
В летящем золоте полос
Насквозь пронзающие бронзу
Твоих незаплетенных кос.

Достойным стань или погибни,
Так завлекая и маня
Глаза – тропические ливни
Хлестали наотмашь меня.

И где-то заскрипев ворота
Пытались тщетно удержать
Желаний мощную когорту
Ласкать тебя и целовать.

А ты беспечно щебетала,
На пальце раскрутив очки,
И с наслаждением вонзала
В асфальт тупые коаблучки.

Без тебя

«Вечер багров и вальяжен...»

Вечер багров и вальяжен.
В комнате безымянной
Ожиданьем, как ружьём заряжен
Снится пульс артерии пьяной.
Снится ей драйв столицы,
А также железная такса:
В озёрных зеленых глазищах
Зелёные новые баксы.
Куда ты? Жена чужая
И будущая вдова,
Задумчиво отрывают
Кожу календаря.
Задумчиво смотрят мимо
На тихий ночной звездопад
И молча садясь в машину
Рассеяны невпопад.
И улиц смазаны слайды
Фарфоровы, без страстей,
Тушью замазаны файлы
Петтинговых скоростей.
Напрасно луны упитанной
Ярится широкий лик
Плотность ночи графитовой
Стеной за окном стоит.
Сильными стильными икрами
Стиснуты плечи носильщика,
Пылью капронными искрами
Сыплот на кожу точильщика

«Я брошен тобою. Кричи не кричи...»

Я брошен тобою. Кричи не кричи
В холоде непониманий,
Я брошен монетой в этой ночи
Монетой в фонтан желаний.

Набросится небо стаями туч,
Исхлещет прутьями роща,
И вихри разборок холодом круч
Меня на ветрах прополощат.

Но эти порывы бешенных слов,
Ладонью замерзшей пристани,
Я вновь успокоить сейчас готов
Лишь взглядом одним пристальным.

«**Душа – нежный пудель на кончиках сабель...»**»

Душа – нежный пудель на кончиках сабель,
Овца на таинственных пастбищах.
Душа – пассажирка, а тело корабль
Плывущий на отмели кладбища.

Мохнатую лапой хватают невроты,
Из мёртвых восставшие идолы
Пронзают стальной ядовитой занозой
Того, кого ангелы кинули.

Того, кто оставил пустеющий берег
И меря миля за милю
Смеется и плачет, и искренне верит,
Что будет гораздо счастливее.

«Вата памяти не виновата...»

Вата памяти не виновата,
скальпы дисков едва-едва вертятся
стёб ломая бесхозный,
мелодией украденной ничьей
в пенке лимонно-розовой
тонуть в сиянии догорающих свечей.
Лаурой совсем не наивной,
комплексующей совсем немного,
слёзы глотать с сигаретным дымом,
бритвой вены задучиво трогать.
«Не делай этого, Ань, не делай...»,
голос сиплый, почти дебелый,
знаком очень, хотя неизвестно
кто там прячется за занавеской.
Мешает «Мартини» со своими хотеньями,
супермена из себя корчит,
обзывает «клубничкой с крепко сжатыми коленями»,
ещё один чокнутый, короче.
А вата памяти мягка до одури,
Вивальди стихает, вода журчит,
я пока рядом, жива пока вроде бы...
и буду может быть жить.

«Обрывки стран и языков...»

Обрывки стран и языков,
Где я бывал и не был
И мысли – стая облачков
На грязноватом небе.
И всё случилось, всё произошло,
Рожденье, смерть – события едины
И жизнь, как тучку мимо пронесло
Одним движением неповторимым.
И жизнь, как вздох скучающей вдовы,
Проблеск короткого заката
Была, но каплями воды
Ушла на глубину куда-то.
Осталась сухость, канитель,
Осадок горечи подобный,
Разочарований и потерь
Остался перечень подробный.
Лишь ты одна, как амулет,
Сама цены себе не знаешь,
На чётках полустёртых лет
Всё также золотом мерцаешь.

«Улица – река игрека...»

Улица – река игрека,
Икс блуждает на ней
Потеряной реей «Тигриса»
Пузцом парусов-простыней.

Потерян, потерян нечаянно,
Рождённый без права на жизнь,
Во взгляде то боль, то отчаянье,
То будущий катаклизм.

Движения скована боязнью
Тебя потерять и беда
Накатывает поездом
И щиплет глаза.

«Допив остывший чай...»

Допив остывший чай
Мы разошлись. Мы квиты.
И слово тихое «прощай...»
Монетой звякнуло о мраморные плиты.

Случилось так, что разговор
Случился ненамеренный
И вслух произнесенный вздор
Унес торнадо бешенный.

Случилось так, что ты ушла,
Как по весне порой
Уходит талая вода
Тушью со слезой.

И я упёрся в теплый быт
Саднящей болью,
Случилось всё, что может быть
И даже более.

«Мне снился сон: обламывая лопасть...»

Мне снился сон: обламывая лопасть,
Зрачками алыми напоминая мак,
Я падаю в бездоннейшую пропасть
И закричать всё не могу никак.
Мне снилась ты: последние мгновенья
Полёт шмеля над полем спелой ржи
И тихое покойное течение
В сладчайшей заводи предательства и лжи.
И много нового открыло сновиденье
Запреты кончились и пали все табу,
Когда пришло ненужное прозрение
Пришло, но не во сне, а наяву.
И всё случайно, всё неосторожно
Спонтанно взорвано и сложено не так
И жизнь невероятна, невозможна,
Какой-то дьявольски изысканный пустяк.
И в этом мире лишь одно спасенье:
Смеяться, петь и плакать в тишине
И жить в одном бездоннейшем паденье
Со всеми вместе и наедине.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.